

2207

К 90-летию

со дня рождения В. В. Маяковского

Всеволод АЗАРОВ

Недавно офицер, военный моряк, прослуживший на флоте не один десяток лет, человек, сам пишущий стихи, влюбленный в поэзию, принес мне ценный подарок. Это № 7—8 литературно-художественного журнала «Ленинград» за 1940 год, в значительной части посвященный Маяковскому. Журнал этот каким-то чудом сохранился в их семье в блокаду. Но меня заинтересовали и другие публикации в этом номере журнала: рассказ Льва Канторовича о пограничниках «В полдень у ручья», очерк Павла Лукницкого о экспедиции академика Ферсмана в Мончегунду. А рядом стихи ленинградских поэтов — «Деревенский охотник» молодого одаренного лирика Ивана Федорова, глава из поэмы о Ломоносове самобытного поэта Михаила Троицкого.

Я подумал о судьбах этих людей.

Широко известно имя Павла Лукницкого, писателя, исследователя, давшего одному из открытых им горных пиков на Памире имя Маяковского. Лукницкий — историк героического Ленинграда, его трехтомник «Ленинград действует» стал классикой литературы о блокаде.

Лев Канторович пал смертью храбрых у пограничной заставы вблизи города Энсо, прикрывавшей подступы к Ленинграду, на девятый день Великой Отечественной войны. У Михаила Троицкого и Ивана Федорова нет могил; первый погиб в декабре 41-го в районе Невской Дубровки, второй в сентябре 42-го при форсировании Невы.

Раскрыв журнал, я увидел и свой материал — очерк «Улица Маяковского». В 1940 году, в десятую годовщину со дня смерти Маяковского, литературный Ленинград, его периодика, отделения издательств «Художественная литература», «Советский писатель», Академия наук СССР стали мощными центрами исследования и про-

паганды творчества великого певца Революции.

Улица Маяковского! Так случилось, что в молодости я и моя семья жили в одном из ее домов, когда улица эта еще называлась Надеждинской. На месте дома под номером 15/17, тогдашнего нашего жилья, в начале XIX века стоял особняк поэта-сатирика Александра Воейкова. Позднее там выстроен был дом, принадлежавший государственному конезаводству.

Я еще застал вылеты конских голов в нишах у подъезда, о которых писал Маяковский в созданной в 1917 году поэме «Человек».

В этом повествовании, предугадывающем не только наше сегодняшнее время, но и грядущий век, есть такие строчки:

Фонари вот так же
врезаны были
в середину улицы.
Дома похожи.
Вот так же,
из ниши

головы кобылей
вылеп.
— Прохаживай!
Это улица Жуковского?

«Она — Маяковского
тысячи лет...»

Жуковская неподалеку. В доме № 7 в квартире Брик не раз бывал Маяковский. А жил молодой поэт на Надеждинской, в доме № 52, квартира 9. И снимал он эту комнату, как мне удалось тогда установить, у стенографистки из Думы М. В. Маслениковой. Перед войной она жила в Харькове, мне отсюда писала, сообщая некоторые бытовые подробности.

Отыскал я у управдома в доме на улице Жуковского и толстенную в кожаном переплете «КНИГУ» для записывания прибывающих и выбывающих по дому № 7 по ул. Жуковского Г. Г. Компанейской, 2 участок Литейной части. На 1917 год.

Читаю записи: «Из мешан, из купцов, статский советник...» В конце 1917-го в книге прибывающих появляется сноска: бывший и титулярный советник.

Новые люди въезжают в дом: машинист крейсера «Богатырь», санитар батальона рабоче-крестьянской гвардии...

А строкой ниже, датированной 13/26 июня 1918 года, читаю: «Из Москвы. Маяковский Владимир Владимирович. 24 года.

Гражданин
Российской
Республики».

Фотографии титульного листа «Книги» и этой, теперь уже исторической записи, были воспроизведены в тексте моего очерка в журнале «Ленинград». Как жалею, что в ту пору, когда Союз писателей поручил мне найти фактические подтверждения пребывания поэта на Надеждинской и Жуковской, я не постарался приобщить эту «Книгу» к музейным редкостям. Но я не знал, как и никто не знал, что годом позднее на улице, которой в 1940-м было присвоено имя великого поэта, упадет одна из первых фашистских бомб, обрушившихся на наш город. А книга, я думаю, сгорела в одной из печурок блокады, сослужив гражданам Ленинграда свою последнюю службу.

Почему я занялся тогда поисками следов и дорог Маяковского, стал вместе с Сергеем Дмитриевичем Спасским одним из составителей гослитиздатского тома «Маяковскому»?

На первый вопрос попытаюсь ответить несколькими строчками своей поэмы «Щедрая юность». Не потому, разумеется, что считаю ее превосходной, а по той причине, что все, что я когда-нибудь посвящал Маяковскому, в прозе или стихах, имело реальную основу, а следовательно, запечатлело и черты того незабываемого времени.

Кличут:
море — перебором
матросским,
Молотнами —
донецкие дали.
Славят десять Онтарей
Маяковский.
Солнце плавом
закпает на Урале.
И уже
мы о Гамбурге помним,
И еще
не слышали о Мадриде.

Именно в эту пору, а точнее 22 марта 1928 г., я, заканчивавший в том году единую тру-

довую школу-семилетку № 4 имени Ильича в Одессе, пришел на вечер В. В. Маяковского «Слушай новое» в зале горсовета.

Я слышал главы из новой, только что написанной поэмы «Хорошо!» и «Письмо любимой Молчанова», слушал записанное на афише в тезисах вечера-доклада «Как и чему учиться у Пушкина».

Позднее испытанное мною, пятнадцатилетним подростком, потрясение я пытался не раз высказать в прозаических и стихотворных строчках.

Когда узнал о гибели Маяковского, в горькие минуты записалось:

Ну, а я вот видел
вас живого,
И всего запомнилось
сильней
Гроном отливающее слово
И кривая складка
меж бровей.

И еще одно стихотворение, написанное несколькими годами позднее, после того как Политуправление РККА командировало меня в Ейск в летнюю школу с композитором Томилиным для создания летних песен.

В кипенье толп, на сцену!
На ходу,
Разматывая шарф,
не сбросив шубы...
Число забуду я,
в канон году,
Но не забуду этот
голос грубый,
Который нежным был,
когда хотел...
Тогда смеялся он,
сдвигая брови,
В своей неистребимой
правоте
Он побеждал людей
своей любовью.

...Когда мне горло
давит высота,
На самолете, после петли
броской,
Простором задыхаюсь,
и тогда
Я думаю о нем —
о Маяковском!

Ну, а к работе над сборником книги «Маяковскому» меня привлекла ее редактор, член Коммунистической партии с 1919 года, сделавшая много для популяризации творчества А. В. Луначарского, Александра Ивановича Кривошеина.

В одной из своих работ, по-

ОТВЕТ
ЧИТАТЕЛЮ

Маяковский в Латвии

«...В Государственном музее В. В. Маяковского меня интересовал листочек с выдержкой или из дневника поэта, или из его письма. Там говорится, что, побывав в Латвии, Маяковский написал о ней очерк. Через некоторое время ему нужно было ехать за границу через Ригу, а правительство Латвии отказало в визе и тогда Маяковскому пришлось объезжать ее морем. Ни в одном собрании сочинений В. Маяковского ни очерка о Латвии, ни упоминания о нем я не нашел, — пишет далее рижанин В. С. МЕЛЬНИКОВ. — Хотелось бы узнать подробности поездки В. Маяковского в Ригу, когда и где был опубликован этот очерк».

На письмо нашего читателя отвечает заведующий сектором Государственного музея В. В. Маяковского Г. А. Гриханова.

«Мне несомненно ездить. Обращение с живыми вещами почти заменяет мне чтение книг», — писал Маяковский. Это была и необходимость творческая. Путешествия были одной из форм или условий его литературной работы. Но расставался он с родиной, с Москвой неохотно и всегда торопился вернуться. «Очень скучаю... Здесь отвратительно», — телеграфировал он из Америки. «Еду в Европу не позднее третьего. Страшно соскучился». «Я делаю все, чтобы максимально сократить сроки пребывания...» Этим полны почти все его письма из-за границы.

Много раз Маяковский переезжал границу Страны Советов, направляясь на Запад. Он побывал в Мексике и Соединенных Штатах, в Испании, Чехословакии, Польше, шесть раз был в Германии, семь раз — во Франции.

Поездка в Латвию по приглашению рижского Народного

университета в мае 1922 года была самой первой заграничной поездкой и самой короткой по времени — всего девять дней. От нее останется немного — одно стихотворение и несколько строк в записной книжке: число жителей в Латвии — 1.813 000, фамилия председателя латвийской «учредилки» Чаксте и министра внутренних дел Квесиса. Оба попадут в стихотворение.

Маяковского в Латвию уже знали: о нем написал в восемнадцатом году Рудольф Эгле в статье «Две России»; были переведены на латышский «Флейта-позвоночник», «Наш марш», «Необычайное приключение, бывшее с Владимиром Маяковским летом на даче», «Хорошее отношение к лошадям», «Приказ по армии искусств» и другие стихотворения.

В Ригу Маяковский приехал 3 мая. Тут же за ним была установлена слежка. Как только он сдал паспорт на визирование, в политохранке сняли ко-

пию с его фотографии на паспорте, размножили и раздали опытным филерам. Они собирали материал для дела № 4773.

На имя Владимира Маяковского были составлены две карточки: одна — учетная, другая — для особых целей. В учетной карточке в графе «Суть обвинения» значится: «Работник комиссариата просвещения — работник представительства Советской России». В буржуазной Латвии это был весьма основательный повод для опасений, тем более, что политическая атмосфера там была накалена.

За два дня до приезда Маяковского — 1 мая состоялось открытие Учредительного собрания буржуазной Латвии, отмеченное торжественным заседанием сейма и военным парадом. Все это, по мнению правительства, должно было сорвать первомайские демонстрации рабочих. Но трудящиеся вышли на рижские улицы с пением «Интернационала». Тогда группы погромщиков, вооруженных палками, кастетами, наганями, напали на участников первомайского митинга на Эспланде (ныне площадь Коммунаров). В разгон демонстрантов включилась и полиция. Многие рабочие были арестованы. Эти события стали известны Маяковскому и нашли отражение в стихотворении «Как работает республика демократическая?».

«И насчет демонстраций
свобод немало —
ходи и пой досыта
и до отвала!
А чтоб не пели чего,
устой дома, —
учредилку отырыли
в день маевни.

Даже парад
правительственный —
первого мая.

Не правда ли,
ловкие головки?!
Народ на маевку
повалил валом:

только
отчего-то
распелся!

«Интернационалом».
И в общем ничего,
сошло мило —
только человек пятьдесят
полиция побила.

А чтоб было по-домашнему,
а не официально-важно,
полиция в буршей
была переряжена.

Филеры настойчиво ходили по пятам Маяковского, точно фиксировали каждый его шаг и обстоятельно докладывали начальству. Когда во время прогулки Маяковский заглянул в книжный магазин, шпикеры подвергли продавца тщательному допросу, допытываясь у него, какими книгами интересовался «опасный иностранец». Но больше всего власти боялись публичных выступлений поэта, которые сам Маяковский называл лекциями...

Предполагалось всего пять выступлений: два — в Риге, два — в Ревеле, одно — в Ковно. Маяковский рассчитывал выступить

не только с чтением своих стихов. Находясь за границей, он старался познакомиться западную интеллигенцию с русскими поэтами, «отождествлявшими себя с революцией», использовал каждую возможность, чтобы рассказать правду о Советской России, рассеять густую мглу незнания и буржуазно-эмигрантскую клевету. Но на первое же выступление префект Риги наложил запрет. Маяковскому посоветовали самому посетить префекта Дамбекане. Поначалу он отказался, но для пользы дела все же пошел. Эта встреча с полицейским «в погончиках» так описана Маяковским:

Ленцию не утаишь.
Ленция — что шило.
Пришлось просить,
чтоб полиция разрешила.
Жду разрешения
у господина префекта.
Господин симпатичный —
в погончиках некто.
У нас
с бумажной
натерпелись бы волонит,
а он
и не взглянул
на бумажник вид.

Сразу говорит:
«Запрещается.
Прощайте!»

Тогда же в Риге в рабочем издательстве «Арбетергейм» (помещалось по ул. Тербата, ныне П. Стучки) вторым изданием вышла поэма Маяковского «Люблю». Она печаталась

священных Луначарскому и Маяковскому. А. И. Кривошеева приводит такое высказывание Анатолия Васильевича: «Мы проходим мимо гениев, мимо талантливейших людей нашей эпохи... При жизни Маяковского мне и в голову не приходило, что я потом пойму его рост (а еще понял ли я его во всем масштабе?) так огромно значительнее, чем при его жизни».

Большое видится на расстоянии. Уже в десятую годовщину со дня ухода Маяковского современники ясно отдавали себе отчет о силе его гения и величии личности.

В сборнике «Маяковскому» появилось специально написанное для этой книги стихотворение Анны Андреевны Ахматовой «Маяковский в 1913 году». Почему Ахматова выбрала именно эту дату? Может быть, потому, что в этом последнем предвоенном году Маяковскому, в его работорстве, уже был виден огненный рубеж новой эры?

Как в стихах твоих
крепчали звуки,
Новые роились голоса!
Не ленились молодые руки,
Грозные ты возводил леса.

Сейчас, по прошествии стольких лет, особенно отчетливо замечаешь, как много провидческого было в этой книге о Маяковском, вышедшей в последнем году перед Великой Отечественной.

«Как бы он был нужен сейчас, когда эпос эпохи рождается на глазах, когда герои совершают свои подвиги почти ежедневно, когда великие дела наши звучат по всему миру, когда петь славу этим делам нужно таким громовым и торжественным голосом, каким владел Маяковский».

Так писал в открывавшей наш сборник статье «Великий мастер» Николай Тихонов, еще не зная, что и ему предстоит в блокадный год стать летописцем сражающегося бессмертного Ленинграда.

И Василий Алексеевич Десницкий, вспомнивший в своих заметках о том, как он дал одновременно Маяковскому и Алексею Максимовичу Горькому тему об упавшей лошади, став-

шую основой для очерка Горького и стихов Маяковского «Хорошее отношение к лошадям», заканчивал свои заметки коротким разговором с поэтом.

«— Жить можно? —
спросил я его.
— Весело можно жить! —
с широкой улыбкой
отвечал он».

И Леонид Равич, ученик Маяковского, не знал еще, что скоро, сменив штатский костюм педагога на форму воина, будет писать фронтовую сатиру по законам «Окон РОСТА».

Помню, как я переступил порог двухэтажного деревянного домика на Песочной улице. Дверь открыла небольшого роста женщина в скромной одежде, красной косынке.

— Ольга Константиновна, — обратился я к Матюшиной, — надо принять участие в будущей книге.

Она посмотрела на меня, незнакомого молодого человека во флотской форме, прибывшего к ней из затемненного Кронштадта, спросив:

— Это нужно для жизни?
— Да, — ответил я ей, играющей в трагедии «Владимир Маяковский» роль Женщины со слезой, — это нужно для жизни!

И она написала первые в своей жизни прозаические страницы, которые пошли в нашей книге без единой помарки.

А потом были война, блокада, переезд нашей троицы (В. Вишневский, А. Крон и я) в домики, помнивший Маяковского, работа под обстрелами и бомбежкой над геррической комедией «Раскинулось море широко».

Нас привел в этот дом опыт, героический пример Маяковского.

Он сопровождал нас в Таллине, где мы писали сатирические плакаты «Бьем», помня слова Мастера — автора «Окон РОСТА»: «Это не столько чтение, сколько пособие для времен...»

И был день, когда Всеволод Вишневский направил меня и Александра Яшина в мою промерзшую комнату на улице Маяковского за книгой «Маяковскому», нужной нам в ту фронтовую пору.

Вечерело. С трудом, пешком добрались мы на вымершую улицу.

В наш двор люди медленно свозили на санках запеленутые в простыни или рогожу тела ленинградцев, умерших от голода. Здесь было районное отделение морга. Возвратясь на Васильевский остров, в Политуправление, я записал в походном блокноте слова Маяковского:

Лишь лежа
в такую вот гололедь,
зубами вместе
проляскав —
поймешь: нельзя
на людей жалеть
ни одеяло,
ни ласку.

Сорок с лишним лет прошло с того дня.

Я давно уже живу на улице Ленина. Но улица Маяковского продолжает существовать в моем сердце.

В военный год я шел
по Маяковской,
Скрипели доски
деревянных штор.
Шагал пустынной улицей
матросский,
Наш город охраняющий
дозор.
Обугленная синяя дощечка
Стучала по обломкам косяка.
За Невским грохотал
обстрел зловеющий.
Но ты сильней
смертельного врага,
Товарищ фронтовой,
строка живая!
Я услышал — на радиоволне
Гремело слово,
залп опережая,
Был Маяковский
с нами на войне.
...С тобою мы идем
по Маяковской,
У дома, где когда-то
жил поэт.
А рядом пахнет красною,
известной,
Легит на свежей кладке
солнца свет...
Мы слышим строчку
славящее слово,
Стократно повторенное
кругом.
И кажется,
что Маяковский снова
В водовороте движется
людском.
Ступает широченными
шагами
По обновленной улице своей
И пристальными
добрими глазами
Глядит на нас, на школу,
на детей!

ЛЕНИНГРАД

В. МАЯКОВСКИЙ. Фото Рижской полиции, переснятое с паспорта В. Маяковского в 1922 г.

под эгидой МАФ (Международная ассоциация футуристов). Видимо, и это очень встревожило Квесиса, который был «против футуризма вообще». Тираж был конфискован. Удалось спасти лишь небольшую часть, которую до появления полиции смогли увезти в киоски. Поэтому Маяковский считал рижское издание несостоявшимся, и поэма «Люблю» в этом же году вышла в Москве тоже с пометой «второе издание».

Правительство буржуазной Латвии не забыло разящей сати-

ры Маяковского. Осенью 1922 года поэт направлялся из Москвы в Берлин. Кратчайший путь лежал через Ригу. Однако в визе Маяковскому было отказано. Пришлось добираться окольным путем через Таллин и Штеттин.

В экспозиции нашего музея читатель В. С. Мельников увидел выдержку не из дневника поэта или его письма, а из очерка «Сегодняшний Берлин», где Владимир Маяковский написал: «Я человек по существу веселый. Благодаря такому характеру я однажды побывал в Латвии и,

описав ее (Маяковский имеет в виду стихотворение «Как работает республика демократическая?», очерка о Латвии у него нет.—Г. Г.), должен был второй раз уже объезжать ее морем».

Через два года, в 1924 году, из Москвы в Берлин и обратно Маяковский проезжал через Ригу. Тогда же в Советском полпредстве он впервые за рубежом прочитал свою поэму «Владимир Ильич Ленин».

Г. ГРИХАНОВА

МАФ

Международная
ассоциация
футуристов

серия
ПОЭТОВ.

№ 1.

МАЯКОВСКИЙ

ЛЮБЛЮ

2-ое издание.

РИГА,
1922.

Изд. „Арбетергейм“

Обложка рижского издания поэмы «Люблю», конфискованного полицией.